

Ксенофобия – страх к чужому

Этой теме была посвящена завершающая на летний период дискуссия в Южнокавказском региональном фонде им. Г. Белля. По словам модератора встречи Давида Паичадзе, отчуждение, или чувство вражды, может проявляться в отношении представителей другой национальности, иного вероисповедания или, к примеру, сексуальной ориентации. Это приводит к неприятию данной группы, к отрицанию чужого стиля жизни, образа мыслей и поступков. Вероятно, не стоит доказывать, что ксенофобия является актуальной темой в многонациональной Грузии, ориентированной на демократические ценности европейских стран.

Первой с докладом на эту тему выступила **Магда Новаковская**: Я уже пятый год живу в Грузии и казалось бы, уже не являюсь чужой для жителей этой страны. Вместе с тем, вам, наверно, будет интересно узнать, как ощущает себя иностранец в грузинской среде, как он оценивает то, с чем ему приходится сталкиваться. Должна сказать, что в Грузии существует двойное отношение к чужому – есть "хорошие чужие" и "плохие чужие". "Хорошие чужие" – это представители европейских народов, а плохие – в основном представители соседних народов и их нахождение в Грузии для многих не желательно.

Вместе с тем, отношение к иностранцу в Грузии во многом формируется на основе того, каким оказывается его восприятие местных традиций и обычаев, религии, типа национального сознания... На основе этого происходит оценка личности – в соответствии с отношением к тому, что он застал. Другое дело, насколько реально существует то, к чему у него должно было сложиться определенное отношение.

В последние годы в Грузии стал усиливаться религиозный национализм, который, с моей точки зрения, формирует определенные стереотипы, мешающие адекватному восприятию чужой культуры, чужого вообще. Итак, грузинская ксенофобия основана на неприятии чужого. Но почему? Не потому ли, что нет достаточной информации об этом чужом? А может страх связан с тем, что чужой или чужое могут породить определенные проблемы? Но желание развития, освоение чужой культуры предполагает преодоление этого страха. Развитие требует от человека преодоления устоявшихся мировоззренческих представлений, но на это способен не каждый.

У приезжающего в Грузию как бы нет шанса остаться самим собой, он должен стать частью национальной культуры, которая напоминает глубоководье из которого трудно вынырнуть. Вместе с тем, меня очень интересует ваше мнение на эту тему. Каким видят чужого грузины, по каким критериям оценивают его? В каком случае чужой становится своим? Не тогда ли, когда он осваивает формы чужой для него культуры, овладевает языком и принимает православие?

Наиболее тяжелым для меня оказался религиозный компонент, все остальное связано с индивидуальной сферой интересов личности.

Давид Паичадзе: Что значит, оказался тяжелым?

Магда Новаковская: К примеру, люди с которыми я только что познакомилась, задают мне вопрос: не перешла ли я на православную веру. Другое как будто их и не интересует. Но для культуры, к которой я отношусь, религиозная принадлежность личности не является определяющим, это не критерий оценки. Вместе с тем, я заметила, что подобный вопрос задают "хорошим чужим", тем, которые могут стать "своими".

Георгий Гвахариа, искусствовед: Я начну с провокационного заявления. Тема нашей дискуссии – "Страх чужого у грузин или как видят грузины чужого" уже содержит какие-то элементы ксенофобии. Поскольку тут предпринимается попытка обобщения и распространения этого явления на все общество. К примеру, в грузинском обществе существует мнение, согласно которому, армяне способная нация, поскольку они легко овладевают иностранными языками. Но тут же может появиться контраргумент: они

рассеяны по всему свету, покинули свою страну и были вынуждены изучать языки других народов. Так, с легкой руки, можно дать толчок для развития ксенофобии. По моему убеждению, ксенофобия не может быть чертой национального характера. Ее источником является невежество. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов психологические и политические факторы. Грузия в течение долгих веков находилась во враждебном окружении. Появление чужого зачастую было связано с насилием, с завоевательными войнами... Потом наступила пора относительного затишья, но в составе империи страна была изолирована от внешнего мира и это тоже способствовало формированию различных фобий и предрассудков.

Очень значительные мысли относительно источника страхов приводятся в работах известного психолога В. Франкла. Кстати, он не говорит, что мы не должны бояться чужого, наоборот, по мнению ученого, страх чужого вполне естественное чувство. Но тут важно, каково наше отношение к страху. Когда мы в состоянии овладеть этим чувством, не дать ему возможность перерасти в панику, в этом случае мы можем преодолеть ксенофобию.

Шота Надирашвили, психолог: В последние годы ксенофобия приобрела особую актуальность при характеристике межнациональных отношений. Вполне логично предположить, что у народов, которые в течение веков подвергались нашествиям иноземных завоевателей, сформировался страх перед чужим. К числу таких народов относятся и грузины. Но вместе с тем, Грузия знала и Европу. Она являлась образцом для подражания. Следовательно, у нас сложилось амбивалентное отношение к нациям. Мы весьма сдержаны в своих чувствах в отношении ближайших соседей, но почитаем и признаем народы Европы. Вместе с тем, на основе психологических исследований можно заключить, что несмотря на отрицательное отношение к русским, мы готовы с ними сотрудничать. А вот абхазы настолько свои и вместе с тем настолько чужие, что мы не желаем с ними сотрудничать. Отношение к ним характеризуется стремлением бегства. В последние годы в национальном сознании значительно изменилось отношение к Турции. Исследования показали, что турки воспринимаются в качестве одной из лучших наций, с которой желательно сотрудничество во всех областях. Вместе с тем у нас нет ясного представления о нации, о ее сущности и природе. Поэтому свои представления о нации мы, как правило, черпаем из сферы бессознательного. Не случайно, что революционные события последних лет проходили под знаком национального движения. Власти понимают, что для народ приемлемо именно национальное правительство. Насколько оно в действительности является таковым – другой вопрос. Если у нас есть ясное представление о том, что мы подразумеваем под нациями, тогда можно судить о положительном или отрицательном отношении к тем или иным нациям.

Если мы будем рассматривать нацию как субъект, то в этом случае, можно задаваться вопросами относительно свойств этого субъекта, относительно его любви или неприязни к другим субъектам. Но вопрос о субъектности рождает споры. Каким субъектом была грузинская нация в средние века или в XIX веке? Или, к примеру, что объединяет людей разных социальных слоев в единую нацию-субъект?

Свою персонификацию грузинская нация осуществляла посредством царей теперь же посредством президента и руководителей высших органов власти. Нация такая же субъективная, личностная инстанция, какой является субъект. Мы, грузины, бессознательно признаем субъектами как индивида, так и нацию. Как и индивид, нация имеет права и связанные с ними обязанности перед другими нациями. Исходя из этого, мы или станем субъектами, находящимися в процессе сотрудничества с другими нациями, или будем полны ненависти к своим завоевателям.

Ксенофобию может испытывать одна нация по отношению к другой, хотя отдельные индивиды этой нации могут и не испытывать чувство страха в отношении представителей враждебной нации. Рассуждение может строиться следующим образом: я

не люблю имперскую Россию, завоевавшую Грузию, но люблю Толстого и Достоевского, как великих писателей. Подобно личностям, нации входят в определенные отношения с другими нациями, сотрудничают с ними и если в процессе этого сотрудничества формируются государства и межгосударственные отношения, то ксенофобия преодолевается.

Но если мы будем в зависимом от кого-то положении, то у нас вновь сформируется враждебное к нему отношение.

Георгий Хуцишвили, конфликтолог: Сфера моей деятельности непосредственно связана с проблемами, порождаемыми ксенофобией. Я полагаю, что ксенофобия самым тесным образом связана не с национализмом, о котором шла речь, а с эгоизмом. Для человека главным все же является его "я". Он "копошится" в своем прошлом, находит какие-то генетические связи, семейное родство. Это ему необходимо для установления своей значительности. Для него важна вера в то, что он является продолжателем каких-то важных исторических или семейных традиций. Так происходит формирование его идентичности. Олдос Хаксли сравнивал человека с островом-универсумом. Он замкнут себе, одинок и вместе с тем желает связи с другими, но опасается этих связей.

Принятие чужого или отчуждение своего происходит вокруг личностного ядра. Когда мы не приемлем чужака – это означает, что мы стремимся доказать свое превосходство перед ним. В другом я выявляю то, что является для меня чужим. Но бывает и так, что стремление к индивидуальному превосходству маскируется национализмом. В таком случае, человек выступает с доказательствами превосходства собственной нации, но за этим скрывается желание доказательства индивидуального превосходства. "Я лучше других потому, что моя нация превосходит другие нации" естественно, за подобным утверждением скрывается примитивный биологический инстинкт.

Тамара Сабедашвили, специалист по гендеру: Я разделяю точку зрения г-на Георгия Хуцишвили и хотела бы добавить, что во время анализа нашего общества, мы обнаруживаем страшный дефицит самокритики. Это проявляется как в фобиях, так и в неуважении к чужой мысли. У нас, к примеру, вполне обычным представляются вопросы, касающиеся сторон интимной жизни. Например, молодую, замужнюю женщину могут спросить, почему она не беременеет...

Шалва Пичхадзе, политолог: Я считаю, что порой и положительное отношение к личности содержит элементы ксенофобии. Когда меня спрашивают о национальности и узнают, что я еврей, то за этим порой следуют восклицания: "О, как мы любим евреев!" Но стоит мне поинтересоваться причиной этой любви, объяснения, как правило, бывают иррациональные. Некоторые вспоминают о 26 веках совместной жизни... Не начинается ли ксенофобия тогда, когда к человеку относятся не как к личности, а как к представителю той или иной нации.

Пата Закареишвили, политолог: Какие страхи существуют на Западе и какие у нас? Континентальная Европа боится иммигрантов, поскольку там полагают, что большой поток иммигрантов может разрушить ту культуру, на создание которой понадобились века. Они не хотят отказываться от высоких идеалов демократии в угоду пришельцев, носителям чужой для них культуры. Но чего боимся мы, грузины? Мне кажется, мы боимся превращения в общество. Для нас идеалы общины стоят выше идеалов демократического общества. Вот, например, вопрос о религиозной принадлежности задают люди, которые сами никогда не были верующими.

Или, когда у нас порицают кого-то и при этом говорят, что сыну такого человека не пристало так себя вести – это чистой воды общественное мышление. Еще пример – для

знакомства с человеком нам бывает важно найти общий круг знакомых. Если такой общий круг обнаруживается, то человека легче признать своим. Вот нас и пугает перспектива разрушения подобного рода ценностей, и в этом основа нашей ксенофобии.

В нашем обществе происходят процессы, которые противостоят формированию гражданского общества. Это реакция общины, которая не желает двигаться в заданном направлении. Но я и мои коллеги задались целью делать как раз то, что встречает сопротивление со стороны общины. Если общинное сознание борется против закона о праве изменения фамилий, мы будем бороться за это право. Общинное сознание тормозит процесс перехода к ценностям гражданского общества. О какой интеграции с евроструктурами и НАТО может идти речь, когда мы еще не смогли преодолеть основу нашего общественного сознания.

К сожалению, и в действиях президента и в действиях высших госчиновников мы видим потакание этническому или религиозному национализму. То есть власть не борется с тем, что является помехой на пути к модернизации, а наоборот использует общинное и псевдо-религиозное сознание для упрочения своей власти. Реплика из зала: "Их же убьют, если они всерьез начнут с этим бороться!"

Саломе Асатиани, социолог: Пата говорил, что он освободился от национализма, но может не стоит проблема выбора между национализмом и либерализмом? Определяющим, на мой взгляд, является местонахождение страны на глобальной, символической, иерархической шкале. В силу своего места на этой шкале Англия не нуждается в таком иррациональном аргументе для своего самоутверждения, как допустим, "Удельная Земля Богородицы". Мне кажется источником подобных иррациональных представителей о грузинской нации является комплекс неполноценности. Чем больше нас будут уверять, что мы не модернизированная, азиатская страна с религиозными предрассудками, тем больше будет желание доказательства своей уникальности и тем больше будет апелляций к иррациональным аргументам типа "Грузия – Удельная Земля Богородицы". Так что модернизм и национализм как бы переплетены друг с другом.

Что касается фобий, то в отношении к нациям они проявляются весьма странным образом. Так негры европейцами могут восприниматься и как полулюди и как замечательно спортсмены и джазмены. Такое же амбивалентное отношение к цыганам. С одной стороны – это социальные маргиналы, грязные воришки, а с другой – свободолюбивый народ, известный во всем мире темпераментными танцами и песнями. Так что в отношении чужого могут существовать разные представления.

Гия Сиамашвили